

(На зарѣ возрожденія.)

Проф. Н. И Петровъ. — *Очерки изъ исторіи украинской литературы XVII и XVIII вѣковъ. Кіевъ, 1911.*

Еще до недавняго сравнительно времени упорно держался предразсудокъ насчетъ поздняго возникновенія украинской литературы. Считалось, что родоначальникомъ и творцомъ ея былъ лишь Котляревскій, который вдругъ, по какому-то необъяснимому капризу, выступилъ со своей „перелицованою Енеїдою“ и повелъ за собою болѣе или менѣе удачныхъ послѣдователей, и мало-по-малу они уже утвердили традицію украинской литературы, сдѣлали возможнымъ ея преемственное развитіе,—конечно, только въ позднѣйшее время. До Котляревскаго были какія-то до-историческія, полумифическія, въ полномъ смыслѣ слова темныя времена, въ теченіе которыхъ украинскій народъ ничѣмъ не проявлялъ своего интеллектуальнаго существованія, совершенно ничего не производя въ сферѣ искусства и литературы. Когда-то, въ очень отдаленное, впрочемъ, время, здѣсь, „на югѣ“, существовали зачатки книжности и письменности, а затѣмъ все это внезапно прерывается, исчезаетъ и появляется уже на сѣверѣ, въ Москвѣ, которая и явилась такимъ образомъ прямой наслѣдницей и продолжательницей этихъ скромныхъ попытокъ древней „южно-русской“ письменности. Развивъ затѣмъ новую литературу, русскую, сѣверъ черезъ Москву связалъ ее съ древней книжной традиціей „юга“, и такимъ образомъ эта новая русская литература должна считаться единственной литературой, преемственно связанной и исторически развившейся изъ начатковъ древней письменности. Отвѣтившаяся сто слишкомъ лѣтъ назадъ украинская литература, а затѣмъ и бѣлорусская являются, по этому воззрѣнію, лишь какими-то боковыми теченіями, уклоненіями въ сторону, отклоненіями отъ того общаго пути, по которому шло и должно итти литературное развитіе русскаго пле-

мени. Приходилось, правда, при изученіи средняго періода упоминать еще о какой-то „литовско-русской“ или „западно-русской“ письменности, но эта послѣдняя также представлялась непонятнымъ эпизодомъ, неизвѣстно почему возникшимъ и также неизвѣстно почему прекратившимся, лучше сказать—слившимся опять-таки въ упомянутомъ уже руслѣ единой „русской“ литературы.

Такіе упрощенные взгляды на судьбы литературнаго развитія въ теперешней Россіи господствовали не только въ школьныхъ курсахъ и среди широкой публики, но даже въ научныхъ работахъ и въ ученомъ мірѣ. Съ другой стороны, проникали они и въ практику жизни и здѣсь оказывали довольно замѣтное, хотя и своеобразное, вліяніе, оправдывая до извѣстной степени, а иногда и вдохновляя на тѣ мѣры внѣшняго воздѣйствія, на которыя въ отношеніи украинской литературы практика никогда особенно не скупилась. Въ самомъ дѣлѣ: если новѣйшая украинская литература не имѣетъ корней въ прошломъ, если за ней не стоятъ вѣковыя традиціи, если она является лишь плодомъ минутнаго увлеченія отдѣльнаго лица или даже кучки лицъ (иные добавляютъ къ этому — „и притомъ злонамѣренныхъ“), посягающихъ на признанное уже ученымъ ареопагомъ литературное единство „всѣя Руси“, провозглашающихъ лозунги отдѣленія, „сеператизма“, то... выводы для практическаго дѣятеля сами собой напрашиваются. И несомнѣнно гнѣвное Валуевское восклицаніе по адресу украинскаго языка и литературы—„не было, нѣтъ и быть не можетъ!“—имѣло почвой не только желаніе ретиваго администратора справиться съ нежелательной литературой мѣрами предупрежденія и пресѣченія, а и указанный, научными авторитетами освященный предрассудокъ: „не было“, молъ,—значить, и не нужно... Несомнѣнно также, что тѣмъ же предрассудкомъ питались и всѣ остальные акты пресѣченій, которыя въ такомъ изобиліи испытала украинская литература на своемъ скорбномъ пути. Научный предрассудокъ вдохновлялъ и окрылялъ практику, которая, въ свою очередь, укрѣпляла предрассудокъ. Въ указанномъ сейчасъ взаимодействіи теоріи и практики образовалась, выросла и окрѣпла своего рода круговая порука въ этой изумительной борьбѣ противъ національнаго движенія одного изъ крупнѣйшихъ славянскихъ народовъ. Научная теорія и административная практика, какъ ни далеки

онѣ другъ отъ друга, шли въ этой борьбѣ рука объ руку,— конечно, во вредъ и поношеніе прежде всего научной и жизненной правдѣ, попавшей въ плѣнъ къ отмѣченному выше предрасудку и очутившейся въ концѣ концовъ на положеніи „услужавшей“ при весьма сомнительной политической доктринѣ.

Правда, теорія въ лицѣ ея лучшихъ представителей всегда дѣлала попытки освободиться изъ этого постыднаго плѣна, стараясь дать истинную картину литературнаго развитія народовъ Россіи. Научныя изысканія, опубликованіе новыхъ данныхъ и документовъ изъ нашего прошлаго— съ одной стороны, растущее національное сознаніе— съ другой—постепенно подрываютъ въ корнѣ предрасудокъ о капризѣ и злонамѣренности, какъ основаніи и главномъ двигателѣ украинской литературы, и подводятъ прочный фундаментъ подъ ея существованіе. По мѣрѣ ознакомленія съ нашимъ прошлымъ, по мѣрѣ опубликованія литературныхъ памятниковъ и документовъ, по мѣрѣ накопленія новыхъ данныхъ все яснѣе становится, что украинская литература идетъ путемъ, общимъ для всѣхъ литературъ. Зародившись въ глубокой древности, она никогда и не прекращала своего развитія, эволюционировала, процвѣтала или приходила въ упадокъ въ зависимости отъ совокупности тѣхъ или иныхъ жизненныхъ условій. Такъ называемое литературное возрожденіе Украины въ XIX ст. было лишь послѣднимъ для насъ, современниковъ, звеномъ въ этой цѣпи развитія, неизбежнымъ послѣдствіемъ цѣлаго ряда причинъ, необходимой заключительной главой въ своего рода литературной эпопее, заключающей въ себѣ цѣпь событій, опредѣлившихъ дальнѣйшее теченіе интеллектуальной жизни на Украинѣ. Съ другой стороны выясняется, что и эта никогда не прекращавшаяся литература была лишь частью довольно интенсивной культурной жизни, слѣды которой теперь находимъ на каждомъ шагѣ. Котляревскій, слѣдовательно, вовсе не былъ какимъ-то разительнымъ исключеніемъ изъ общаго правила, равно какъ не явился и совершенно готовымъ, подобно Палладѣ, во всеоружіи выступившей изъ головы Юпитера. Научныя изысканія неопровержимо доказали, что литературное возрожденіе Украины, выразившееся въ дѣятельности первыхъ украинскихъ писателей, достаточно было подготовлено предшественниками и неминуемо должно было раньше или позже проявиться такъ, какъ оно и проявилось въ дѣйствительности.

Мракъ до-историческихъ временъ такимъ образомъ былъ разсѣянъ, найдены предшественники дѣятелей украинскаго возрожденія, и изъ „родства непомнящей“ украинская литература превратилась въ законное дѣтище вполне опредѣленнаго историческаго процесса. Предразсудокъ палъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ падаетъ и основанная на немъ зависимость научной теоріи отъ административной практики. Впрочемъ послѣдняя, какъ извѣстно, не сдаетъ своихъ позицій и въ настоящее время, но средствъ подкрѣпленія ей приходится искать уже въ иныхъ мѣстахъ, съ наукой ничего общаго не имѣющихъ... Освободившись отъ своего постыднаго плѣненія, наука продолжаетъ дѣлать свое великое дѣло, раскрывая передъ нами дѣйствительную картину нашего прошлаго.

Такую именно картину, глубоко поучительную и полную подчасъ неожиданныхъ выводовъ и сопоставленій, представляетъ собой книга заслуженнаго въ украинской наукѣ проф. Н. И. Петрова, отмѣченная въ заглавіи настоящей замѣтки. Долголѣтнее внимательное изученіе украинскихъ литературныхъ памятниковъ привело ученаго автора къ „чисто мѣстной точкѣ зрѣнія“ на факты литературной жизни прошлыхъ вѣковъ. „Другіе,—пишетъ проф. Петровъ въ предисловіи,—смотрятъ на Кіевскую искусственную литературу XVII и XVIII вв., какъ на одинъ изъ эпизодовъ въ общемъ развитіи русской литературы; я же и прежде рассматривалъ, и теперь намѣренъ рассматривать ее особо, какъ специальную, самодовлѣющую область литературы со своимъ опредѣленнымъ кругомъ экстерриторіальнаго распространенія, значенія и вліянія“ (стр. 3). Ниже, во введеніи, проф. Петровъ подробнѣе раскрываетъ указанную точку зрѣнія и обставляетъ ее солидной научной аргументаціей. „Кіевская искусственная литература,—пишетъ онъ,—можетъ быть названа украинскою или малорусскою прежде всего въ территоріальномъ отношеніи, такъ какъ возникла и развивалась на украинской или малорусской почвѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ эта литература имѣла и мѣстныя національныя основы, или защищая жизненные интересы мѣстнаго народонаселенія безотносительно къ его языку, или же вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлая посильныя приспособленія къ мѣстному народному языку, и такимъ образомъ была національною и по одному содержанію, или же вмѣстѣ и по содержанію и по

языку“ (стр. 4). Со стороны національных особенностей содержанія и языка и разрабатываетъ въ своемъ трудѣ проф. Петровъ интереснѣйшій періодъ въ исторіи украинской литературы, выясняя какъ происхожденіе тѣхъ или иныхъ литературныхъ формъ въ XVII—XVIII ст., такъ и развитіе ихъ и дальнѣйшую судьбу.

Особенно поучительнымъ является изученіе литературныхъ формъ въ связи съ состояніемъ образованія на Украинѣ въ указанный періодъ. Какъ извѣстно, главнымъ разсадникомъ просвѣщенія, распространявшимъ свое вліяніе далеко за предѣлы Украины, была въ то время Кіевская академія. Будучи построена по типу западныхъ схоластическихъ школъ, съ рѣшительнымъ преобладаніемъ латинскаго элемента, старая академія не соотвѣтствовала, конечно, жизненнымъ потребностямъ и интересамъ страны и не могла удовлетворить вполнѣ даже тѣхъ скромныхъ требованій, которыя уже въ то время предъявлялись нашими предками. Въ этомъ, по мнѣнію проф. Петрова, „заключается не малая вина“ академіи, явившейся „какъ бы новымъ средостѣніемъ между западно-европейскою наукою и малорусскимъ простымъ народомъ“ (стр. 21). Но даже строгій историкъ долженъ признать, что „кіевская наука и литература спускались иногда со своей недосыгаемой отвлеченности на землю и служили, по мѣрѣ своихъ силъ, политическимъ общественнымъ и національнымъ интересамъ страны“ (ib). Съ другой стороны, опять-таки по мѣрѣ своихъ силъ, академія пыталась отражать въ себѣ и тѣ вѣянія, которыя возникали въ то время на Западѣ, и переносить ихъ на украинскую почву, стараясь быть понятной населенію и по языку. Проф. Петровъ отмѣчаетъ цѣлый рядъ попытокъ заговорить съ народомъ „барзо простою мовою и діалектомъ“, приблизиться къ жизни какъ выборомъ соотвѣтственныхъ темъ, такъ и ихъ разработкой. Разсмотрѣніе литературныхъ формъ въ связи съ состояніемъ просвѣщенія даетъ изслѣдователю возможность сдѣлать нѣкоторыя обобщенія, относя, напр., къ XVII в. развитіе по преимуществу историко-эпическихъ произведеній, а къ XVIII-му—процвѣтаніе лирики и драмы. Отъ историческихъ пѣсень, гимновъ и одъ, всѣхъ этихъ поздравительныхъ „кантовъ“ и „виршѣ“ черезъ школьную драму къ реалистической комедіи, сатирѣ и стихотворнымъ попыткамъ предшественниковъ Котляревскаго,—таковъ былъ тотъ путь,

который прошла украинская литература за два интересующія нас столѣтія. При этомъ замѣчается въ высшей степени любопытное явленіе: даже оторванныя отъ жизни, отвлеченныя произведенія школьной драмы въ тѣхъ или иныхъ видахъ приспособляются къ жизни, и притомъ, естественно, къ мѣстной народной жизни. Не говоря уже о такихъ въ полномъ смыслѣ животрепещущихъ произведеніяхъ, какъ интермедіи и разившійся рядомъ съ ними вертепъ, указанную эволюцію претерпѣваетъ даже серьезная нравоописательная драма. Посредники между школой и жизнью, между верхами образованнаго слоя и народомъ— всѣ эти „спудеи“, странствующие „эпетиторы“ и „мандровані дяки“ часто исполняли предъ слушателями одну какую-нибудь сцену изъ драмы, діалогъ, декламацию, стараясь въ то же время исполняемые отрывки и содержаніемъ, и языкомъ приноровлять къ пониманію и вкусамъ своей публики. Происходившая этимъ путемъ популяризація школьной драмы несомнѣнно оставила болѣе или менѣе замѣтный слѣдъ въ міровоззрѣніи украинскаго народа, но, что еще замѣтнѣе, она прямо отразилась на судьбахъ украинской литературы. Даже когда въ половинѣ XVIII в. школьная драма, какъ устарѣвшая, изгоняется изъ стѣнъ академіи, она въ отрывкахъ продолжаетъ указанными путями проникать въ народъ; эти отрывки „воспринимаются и варьируются низшими слоями малорусскаго населенія и готовятъ почву для образованія, съ конца XVIII вѣка, новой художественной украинской литературы въ лицѣ И. П. Котляревскаго и др.“ (стр. 67). Такимъ образомъ даже въ самомъ упадкѣ своемъ старая наша литература носила здоровое зерно своего возрожденія и дальнѣйшаго развитія.

Зерно это заключалось въ той живой струѣ, которая постоянно притекала къ литературѣ снизу, омывала ее отъ пренебреженія къ народнымъ интересамъ, отъ погруженія въ безнадежную тину исключительно схоластической премудрости и этимъ непрекращавшимся притокомъ свѣжихъ силъ постоянно обновляла ее. Въ этихъ непрерывныхъ связяхъ литературы и жизни, въ этомъ постоянномъ взаимодействіи ихъ и кроется секретъ той силы и живучести, которую обнаружила украинская литература, той сопротивляемости ея и внѣшне-принудительнымъ воздѣйствіямъ, и даже культурному соперничеству народившейся въ XVIII ст.

русской литературы. Въ самомъ дѣлѣ, XVIII вѣкъ — вѣкъ крушенія политическаго и общественнаго уклада на Украинѣ, вѣкъ упадка автономистскихъ стремленій, характеризуется сильнымъ движеніемъ верховъ украинскаго общества къ русской, по иноземнымъ образцамъ, конечно, созданной культурѣ. Цѣлый рядъ украинскихъ литературныхъ и общественныхъ дѣятелей широкою струею вливается въ общерусскую жизнь, подготавливая пришествіе позднѣйшаго поколѣнія, которое, подобно Гоголю, уже не будетъ знать: „какова у меня душа — хохлацкая или русская“. И несмотря на это побѣдное шествіе ассимиляціи, украинская литература не только вполне успѣшно съ ней конкурируетъ въ своихъ тогдашнихъ формахъ, но даже перерождается, принимаетъ новую окраску, приблизившись уже вполне къ своему родному народу — въ лицѣ перваго писателя новаго періода, Котляревскаго. Мнѣ кажется, что именно это нашествіе на Украину чужой литературы и культуры и заставило собственно безсознательныхъ дѣятелей глубже вдуматься въ совершавшійся процессъ, осознать его и уже сознательно опредѣлить свое къ нему отношеніе, а опредѣливъ, примкнуть къ тому или иному изъ конкурирующихъ въ жизни теченій. Средняго пути, въ видѣ того „словено-русскаго“ языка, который культивировался и процвѣталъ въ предшествующую эпоху и который въ полномъ смыслѣ слова былъ общерусскимъ, т.-е. отвлеченнымъ, мертвымъ языкомъ, — теперь уже не существовало. Борьба шла между двумя одинаково живыми и одинаково жизнеспособными народными стихіями, и украинская литература прямо и открыто становится на сторону своей родной стихіи. Въ этомъ она черпаетъ и новое оправданіе и новую силу, подобно Антею, въ прикосновеніе къ матери-землѣ находившему неизсякаемый родникъ живой и дѣятельной энергіи.

Я не послѣдую за проф. Петровымъ въ его историческія изысканія, очень поучительныя и интересныя своими подробностями, сообщающія притомъ массу въ высокой степени цѣннаго фактическаго матеріала. Для меня достаточно отмѣтить здѣсь общую тенденцію историческаго развитія, мало по малу перешедшаго въ хорошо знакомыя намъ теперь формы и проявленія современной украинской литературы. XVII—XVIII столѣтія — были ранней зарей нашего національнаго возрожденія, тѣмъ предразсвѣтнымъ,

немного туманнымъ, но таящимъ неограниченныя возможности временемъ, когда предметы выступаютъ изъ разсѣвающейся тьмы еще не вполне ясно, но уже даютъ все-таки болѣе или менѣе опредѣленные контуры и очертанія. Уже тогда, на зарѣ, среди не растаявшаго тумана, намѣчаются тѣ пути, по которымъ пойдетъ украинская литература въ то время, когда придетъ настоящій день и возгорится настоящая борьба за національное существованіе.

День этотъ пришелъ, но борьба не окончена, она еще въ полномъ разгарѣ. Тѣмъ не менѣе одинъ изъ эпизодовъ этой борьбы,—отмѣченной въ началѣ статьи предразсудокъ о внезапномъ появленіи украинской литературы, благодаря необъяснимому капризу „кучки злонамѣренныхъ лицъ“—этотъ эпизодъ нужно считать окончательно сданнымъ въ архивъ. Суровой практикѣ, не желающей отрѣшиться отъ фикціи измышленнаго единства и несущей поэтому лишь разъединеніе и вражду, приходится искать новыхъ аргументовъ. И нельзя не замѣтить, что арсеналъ ихъ съ каждымъ годомъ становится слабѣе, все болѣе и болѣе истощается. Уже и въ настоящее время практикѣ приходится аргументировать почти исключительно отъ „права сильного“, опираться на голое насиліе, отъ него исходить и къ нему возвращаться, какъ единственной панацее отъ всѣхъ золъ. А это ни о чемъ иномъ, кромѣ полного и безповоротнаго банкротства, конечно, не можетъ свидѣтельствовать...

С. Ефремовъ.